

Рождение древнегреческой философии и начало европейской цивилизации (аспекты проблемы)

Г. В. Драч

Южный федеральный университет,
Российская Федерация, 344065, Ростов-на-Дону, пер. Днепроvский, 116

Для цитирования: Драч Г. В. Рождение древнегреческой философии и начало европейской цивилизации (аспекты проблемы) // Философия истории философии. 2021. Т. 2. С. 20–34. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2021.102>

В статье рождение древнегреческой философии рассматривается как сложная, многоаспектная проблема, позволяющая соотнести генезис философии с началом европейской цивилизации. В наши дни она обострилась в связи дискуссиями о культурных различиях и цивилизационном самоопределении и т. п. Аргументы, приводимые в пользу восточных влияний на древнегреческую философию, в современных исследованиях используются для критики и опровержения европоцентризма. При этом зачастую игнорируется мировая антиковедческая традиция, что делает особенно актуальным обращение к основным аспектам проблемы рождения философии, вызывающим ожесточенные дискуссии и породившим необъятную литературу. Автор предпринимает попытку учесть наиболее значимые подходы и останавливается на проведении историко-культурного экскурса вплоть до Крита и Микен. Прослеживаемый антропологический вектор культурного развития, переход от коллективной сопричастности и мистического единства к индивидуализированному поведению и агональному типу личности, позволяет обозначить редко исследуемые аспекты генезиса философии, связанные с развитием личности, лирики и правового сознания и самосознания. Это позволяет выйти за ограниченные пределы «физического» толкования раннегреческой философии, базирующегося на свидетельствах Аристотеля, и развернуть (обозначить) возможные аспекты ее генезиса. В то же время субстанционализм остается ведущим принципом рождающейся философии, обратившейся к каузальному объяснению и положившей тем самым начало рациональному знанию и европейской науке. Не сохранение священных традиций, с обязательными посредниками — жрецами, а лично приобретенные опыт и знания определяли вектор культурного развития и нарождающегося рационального мышления. С этим и было связано переосмысление (деконструкция) древних космогоний и положение о субстанции. Определяющими становятся самосознание, правовая суверенность личности, ее социальная субстанциональность. Греческая философия — это итог и результат их исторического развития.

Ключевые слова: генезис философии, цивилизация, культура, Запад, Восток, личность, теогония, космогония, разум, субстанция.

Рождение философии в Древней Греции знаменует начало рационального мышления, становящегося отныне определяющим фактором европейского культурного и цивилизационного развития. Содержание произошедшего интеллектуального и культурного события исследовалось в широком ряде работ, уже давно ставших классическими, с их выразительными названиями: В. Нестле (W. Nestle) — «Vom Mythos zum Logos» [1]; Бр. Снелль (B. Snell) — «Die Entdeckung des Geistes»¹; О. Гигон (O. Gigon) — «Der Ursprung der griechischen Philosophie» [3]. Э. Целлер (E. Zeller) первым обстоятельно рассмотрел вопрос о рождении философии как о начале понятийного мышления и причинного объяснения мира. На неизбежно возникающий вопрос о восточном происхождении философии он отвечает отрицательно: «Если и был когда-либо народ, способный создать науку, так это греки» [4, S. 53]. В отличие от Ф. Корнфорда (F. Cornford), утверждавшего определяющее значение религии в генезисе философии [5], Дж. Бернет (J. Burnet) подчеркивал значение рационального знания и отрицал религиозно-мифологическое влияние Востока, вполне резонно замечая: «С тех пор, как мы узнали глубокую древность эгейской цивилизации, этот вопрос приобретает совсем другой аспект. Многие из того, что считалось восточным, вполне может оказаться родным» [6, p. 9]. А. Н. Чанышев в этом контексте писал о двух концепциях происхождения философии — мифогенной и гносеогенной. Но он рассматривал рождение философии как равнозначное и для древнего Востока, и для древнего Запада событие, отрицающее влияние одного на другое («одинаковая мировоззренческая предфилософия») [7, с. 54–55].

Сегодня же ситуация еще более усложнилась и не сводится к вопросу о восточных корнях греческой философии². Переосмысливается вектор мирового культурного развития. Классическая формула «от мифа к логосу» трактуется как европоцентрическая [11, p. 223–250]. Обсуждение проблемы переносится в мировое цивилизационное пространство. М. Бернал (M. Bernal), автор работы «Чёрная Афина», выявляя афроазиатские корни греческой культуры, находит в них истоки и основания европейской цивилизации (см.: [12]). Такая постановка вопроса не дает, правда, ответа на давний вопрос: а почему же философия

¹ Первое издание книги вышло в Германии в 1946 г., затем она неоднократно переиздавалась на немецком (см.: [2]), на англ.: «The Discovery of the Mind» (1953).

² Дилемма — развитие философии у греков представляет собой автохтонный процесс или испытывает восточные влияния — не получила своего окончательного разрешения. У. Хельшер (U. Holscher) видел влияние Востока в космогонических версиях греков, см.: [8]. В. Буркерт (W. Burkert) ставил вопрос о восточных основаниях европейской науки, см.: [9]. Интересные исследования принадлежат перу М. Н. Вольф, см.: [10]. И все же проблема гораздо шире и глубже.

не возникла на самом Востоке, в какой степени рождение философии характеризует цивилизационные отличия Запада? Обращение к нему возвращает нас к широкому кругу фундаментальных исследований по теме предыстории и начала европейской философии³.

Вектор культурного развития

Конечно, философия не родилась, подобно Афине, из головы Зевса. В частности, греческая философия выступает событием, знаменующим также появление архитектуры, поэзии и литературы, театра, науки и т. д. — что Э. Ренан называл «греческим чудом». Этот аспект приближает нас к эпицентру проблемы: а почему именно греки оказались в главе событий? Национальный характер, удачное географическое положение? Собственно, Корнфорд уже обращался к предыстории европейского мышления, рассматривая его развитие от коллективного (солидарность тотемных групп) до индивидуального уровней, от слитных религиозных образов («мана») к понятиям [5, р. 40–72]. Да и У. Гатри (W. Guthrie), хотя он и рассматривает зарождение философии в Европе как свершившуюся интеллектуальную революцию, констатирует, что греки не легко и не сразу перешли к рациональному мышлению, проявляющемуся в аргументированном объяснении и научном наблюдении, и допускает возможность «проследить их возникновение из тумана донаучной эпохи» [13, с. 76]. Учитывая существующие сложности, Л. Я. Жмудь констатирует: «причины зарождения философии следует искать далеко за рамками традиционной историко-философской проблематики, в тех процессах глубокой социальной и культурной трансформации, которой подвергалась тогда Древняя Греция» [14, с. 36–37]. В этом случае реконструкция рождения греческой философии во многом становится исследованием культурного и цивилизационного развития греков, которое отнюдь не ограничивалось изолированным пространством греческих городов, а входило в обширную средиземноморскую ойкумену, объединяющую Восток и Запад. Ж.-П. Вернан (J.-P. Vernant) идет здесь так далеко, что сравнивает цивилизационный процесс в Греции и Китае [15, р. 85–100].

Обращение к истокам европейской культуры открывает тема «Крит и Микены»⁴. Но начнем с Глотца (G. Glotz) — первооткрывателя эгейской цивилизации, с ее религиозными и эстетическими ценностями

³ Понятие «Запад» мы используем как синоним европейской цивилизации.

⁴ Если Т. Д. Златковская, характеризуя Эгейский мир, использовала формулу «у истоков европейской культуры», то Ю. А. Андреев следующим образом определяет вектор развития: «От Евразии к Европе» [16].

ми и техниками тела, иррациональной в своей основе и в то же время «зажестившей факел греческой рациональности». Глотц описывает особенности внешней экспансии эгео-эллинизма и изменений внутреннего мира человека, который при сохранении мистической сопричастности осознает себя в опыте личных религиозных переживаний, в искусстве и мифах. Человек концентрирует в себе таинственную связь микро- и макрокосмоса. Природное окружение, климат Греции и связанный с ними образ жизни формируют исконно греческие эстетические ценности [17, р. 15–16]. Отметим проявляющуюся, с учетом современных исследований, двойственность. С одной стороны, «дворцовая» культура Крита, с ее фигурой царя-жреца, сближала ее с восточными прототипами. Преобладающая хтоническая религиозность (религия земли и плодородия) лишь подчеркивалась так называемым «двойным монотеизмом» — Великая Богиня и Минотавр. С другой — уже известны имена совсем иных богов, позднее вошедших в семью олимпийцев. А главное, по Глотцу, можно говорить о формировании эстетического вкуса и правовых практик (ордалии). Стоит оговориться, что мы оказываемся в русле исследований французской школы, апеллирующей к теориям коллективной сопричастности и коллективных представлений (Люсьен Леви-Брюль, Марсель Мосс).

Сегодня уже не надо доказывать, что минойская цивилизация — это не локальное и ограниченное по своему влиянию явление, а огромный культурный регион, подготовивший культурное единство Средиземноморья. Мифы повествуют о Миносе, который установил господство на море. Могучий минойский флот стал легендой. Вопрос о талассократии приобретает, на наш взгляд, центральное значение. Здесь можно найти ответ и на вопрос о расцвете минойской цивилизации, и о причинах ее упадка. Как отмечал М. К. Петров, «чтобы понять эти парадоксы, нам нужно разобраться в самой основе крито-микенской государственности, в составе и силе того интегрирующего начала, которое удерживает огромную массу людей в единой социальной структуре и организует их деятельность в социально полезные формы» [18, с. 51]. Таким интегрирующим началом, по мнению исследователя, была не функция регулирования сил природы, как в «естественных» цивилизациях Востока, а функция защиты от внешней опасности в условиях островной эгейской цивилизации и распределения опасности нападений по всему побережью. Но талассократия была возможна лишь в условиях социальной стабильности, в критской истории она оказалась связанной воедино с гинекократией.

О мощном женском начале говорят не только ритуальные предметы, но и шедевры искусства. «Богини со змеями» были найдены в Кнос-

се, да и отсутствие грандиозных, подавляющих и величественных храмовых зданий и статуй богам не означает отсутствия культового назначения Кносского дворца. Именно женщины держали в своих руках наиболее важную часть системы жизнеобеспечения — связь с потусторонним миром. «По существу вся минойская культура, и в особенности религия и искусство, несут на себе печать своеобразного феминизма, т. е. типично женских вкусов и склонностей» [16, с. 204]. Трансцендентное, великое и тайное изначально присутствовало в бытии, делало его таким волнующим и восхитительным. События жизни были наполнены магическим смыслом. Здесь нет противопоставления индивидуального мышления коллективному, эмоционального — рациональному. Можно говорить о первостепенной значимости ценностей, связанных с питающей и воспроизводящей силой женщины, в то время как безопасность в ответ на возникающие военные угрозы не представляла самостоятельной проблемы. Минойская культура в этом уникальна и отличается от микенской культуры воинов и завоевателей. Однако Крит и Микены оказались недолговечными.

Объяснения обычно ищут в религиозном кризисе, но на этот раз катастрофа была социальной. У М. К. Петрова встречается термин «эгейский котел», пространство, в котором пиратский корабль представлял собой опасность, которую невозможно было локализовать. Создается своего рода «разгонная ситуация»: «рост опасности и квалификации нападения вызывается ростом средних значений обороноспособности побережья, а рост обороноспособности побережья оказывается функцией от роста опасности» [18, с. 37]. Последовали распад критской, а затем и микенской цивилизаций и последующая социальная архаизация (так называемый культурный регресс). Сопричастность и экстатическое единство сознания, обеспечивавшие единомыслие и единоначалие (на основе рождения), перестали воспроизводиться. Но именно в осознании морской опасности таился мощный культурный импульс к изменению греческого типа личности. В «Одиссее» обычное обращение к путнику:

Кто вы, скажите? Откуда к нам прибыли влажной дорогой?
Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперед по морям, как добытчики вольные, мчась,
Жизнью играя своей и беды приключая народам?
(Одиссея, III, 71–74; IX, 252–254)⁵

Крушение централизованных систем Крита и Микен развязало руки родовой знати — бацилеям (здесь Вернан, безусловно, прав) в их

⁵ Перевод В. А. Жуковского.

единоборстве и развернувшейся борьбе за славу, доблести и богатство. Подвиги греческих героев-аристократов воспеваются в поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея». Своеобразие гомеровской эпохи состоит в том, что основной вектор развития оказался направлен не на родовые, а на индивидуальные, личностные ценности. Поведение героев Гомера резко индивидуализировано, основная ценность — воинская доблесть («арете»), ее достижение регламентируется «героическим кодексом», достижение славы, вслед за которой идет чествование, — соответствующее положение в обществе и сопутствующее ему богатство⁶. Хотя основной формой общественного контроля остается «культура стыда» — непосредственная осуждающая реакция народа на отступление героя от нормы, формируется рациональная ориентация поведения, его обоснование и соответствующее самосознание.

Меняется и отношение к богам. Они расцениваются как часть природы (наследие минойского прошлого), но человек, поклоняясь богам, может и должен строить с ними отношения рационально. Хтонические божества Земли воспринимаются как чудовища, с которыми сражаются герои. Боги-олимпийцы, превосходящие человека, но живущие теми же заботами и ценностями (слава и почет, объектная привязанность, любовь), что и человек, кладут начало индивидуальному самосознанию, они — первопредки героев. Проявляющаяся в поведении гомеровских героев агонистика имеет цивилизационно-образующее значение. «Если же мы устраним соревнование из греческой жизни, перед нами тотчас же предстанет догомеровская бездна с ужасной, дикой ненавистью и жадной уничтожения» [20, с.9]. Эстетический смысл и значимость состязаний и игр восстанавливают минойский фон игровой культуры.

Представляется, что вместе с Ницше мы возвращаемся к идее двуязычия культуры (дионисийского и аполлоновского начал), которое в Древней Греции так и не было преодолено, да и вообще вряд ли может быть преодолено, и давало о себе знать. У греков наряду с рациональностью, построенной на обновлении правовых традиций и художественном восприятии действительности, оставался мир иррационального, с гилозоизмом и персонификацией как нормой мышления. Но благодаря такой раздвоенности эстетическое наследие минойской культуры было сохранено и освоено. Возвращаясь к идее корабля, заметим, что на палубе пиратского корабля формировалась личность нового типа. Авантюризм и творчество, палуба и горизонт, слово и дело открывают пространство публичной жизни: господства и подчинения, писано-

⁶ Этот вопрос с привлечением современной литературы по теме исследовался нами специально: [19, с. 61–70].

го закона и правовых отношений, всей личностной инфраструктуры, включая лирику, драму, философию и науку, формирующих установку на самоопределение, на индивидуальную и полисную свободу.

Первые философы

«Первые философы» — это термин Аристотеля. Историко-философский ряд, открываемый Фалесом, — это тоже его изобретение. Рассуждая о тех, кто первыми занялись философией, и отмечая, что большинство из них началом всех вещей считало «начала материальные», Аристотель говорит о Фалесе как о «родоначальнике такого рода философии», считавшего «начало» водой. Это — то, «из чего состоят все вещи, из чего первого они возникают и во что в конечном счете разрушаются, причем основное существо пребывает, а по своим свойствам меняется — это они считают элементом и это — началом вещей» (Мет. 983а–в)⁷. Проблема усложняется спорами вокруг идентификации первых философских текстов, которые не сохранились в подлиннике, а в исторических свидетельствах, которые принадлежат Аристотелю или его ученикам, вызывают большие сомнения. Невозможно не учитывать аргументы Черниса (H. Cherniss) о том, что Аристотель, характеризуя учения архаичных мыслителей, использует собственную терминологию — *arche*, *stoicheion*, *gipokeimenen*, *oysia* и т. п. [21, р. 1–28]. Содержащиеся в работах Г. Черниса претензии и замечания к свидетельствам и сообщениям Аристотеля игнорировать невозможно, но надо учитывать и ряд возражений на них, выдвинутые У. Гатри [22, р. 239–254]. В любом случае единственным, чем мы располагаем, — остаются свидетельства Аристотеля. Реконструировать содержание первых философских учений, т. е. рождение, начало философии, без них не представляется возможным⁸.

С Аристотелем связана «физическая» (натурфилософская) трактовка первых философских учений. Бернет отказался от признания аутентичности термина *arche*, заменяя его словом *physis* (природа, рождение и рост и в то же время нечто неизменное, вечное и постоянное) и тем значительно расширяя спектр видения проблемы. Но благодаря этому физическая трактовка начинающейся с Фалеса философии лишь усиливается и расценивается как научный взгляд на мир. И у других исследователей нет отказа от идеи субстанции как греческого изобретения. Да, считает Корнфорд, эта субстанция предоставляла человеку

⁷ Перевод А. В. Кубицкого.

⁸ Критика Черниса в адрес свидетельств Аристотеля и возражения Гатри специально рассматривались нами в статье [23].

мир в многообразии его ощущений. Если мы называем ее «метафизической», а не «сверхъестественной», то что изменится? Речь идет о «двух последовательных фазах или способах выражения чувств и мнений человека о мире» [6, p. v]. В сложившейся ситуации, поскольку не сохранились положения первых философов, приходится обращаться к сохранившимся текстам того времени, что и предлагал в свое время К. К. Зельин [24, с. 73–84]. Например, выявляя рациональные регулятивы права — в переходе от Дике к «дике» и «номосу», можно приступить к реконструкции всего архаического мыслительного пространства.

Тем не менее основные концепции раннегреческой философии основываются на ее «физической» трактовке. Возвратимся к Целлеру, обозначившему поворотную точку к философскому рассмотрению вещей у Фалеса и Пифагора, хотя и отмечающему, что многое до них было многократно подготовлено. Религия была «естественной религией», без этого свободного отношения к религии не возникла бы философия. Гражданские учреждения и нравственные состояния предполагали богатый мыслительный материал, который побуждал к научному мышлению и уже выступал предметом рефлексии: были созданы космогонические теории, человеческая жизнь рассматривалась с точки зрения религии, нравственности и жизненной мудрости. «Однако еще отсутствовало стремление свести все явления к своим последним основаниям, объяснить их из единой точки зрения, из одинаковых общих причин естественным образом...» [4, S. 101]. Реализовать это стремление, «объяснить явления из естественных причин» смогли лишь философы — Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, Пифагор. Понятно, Целлер, как и другие крупные антиковеды, в частности Френкель, берет за основу свидетельства Аристотеля. Он не выходит за их пределы, хотя значительно расширяет пространство происходящих ментальных событий, отмечая влияние греческой общественной жизни, искусства, поэзии и мифологической космологии на происхождение философии. Но они, согласно его рассуждениям, лишь формировали потребность заменить личные произвольные причины безличными, закономерно действующими. Но оказываются ли в этом случае в полной мере востребованными для объяснения рождения философии описываемые им реалии греческого мира?

Показательным в этом отношении может быть обращение к работам К. Йоля (K. Joel) и В. Йегера (W. Jaeger), выступающих оппонентами Целлера и Бернета⁹. Йоль восклицает, связывая рождение философии

⁹ Теологические концепции К. Йоля и В. Йегера рассматривались нами специально: [26].

с расцветом мистики, лирики и тирании: «поистине не родилась ли она в Греции в негреческие часы?» [25, S. 151]. Но именно мистическое чувство Бога (*Gottgefühl*), расширяющее индивидуальное сознание до уровня всеобщего, превращает его в микрокосм мироздания, совершая переход от традиции к самостоятельности. Собственно говоря, такого рода процесс основывается на «дикее» и «номосе» и представляет собой человечески прочувствованный мир. В лирике происходит возвышение человеческого чувства до всеобщего значения и наследником чувства становится интеллект. В этом случае, даже если признать влияние восточного умозрительного мышления на Гесиода, синтезу мифических преданий противостоит «новая радикальная форма рационального мышления», исходной точкой которого выступает найденная из собственного опыта действительность — *ta onta* [25, S. 50]. Йегер допускает возможность некоего духовного движения, которое у Анаксимандра приводит к открытию космоса посредством развития правового сознания и самосознания, осуществленного в переходе от Дике к дике. «Нигде, кроме глубин человеческого духа, невозможно было сделать это открытие» [27, с. 219]. Дике как равнообязательная норма поведения и самосознания связана теперь не с миром богов, а с естественными процессами человеческой жизни и всего мироздания. Самоуглубление, самопогружение, рефлексия в отношениях к внешнему и внутреннему миру, душе и космосу, полису и богу становятся определяющим аспектом рождающейся философии.

Конечно, обращение к контексту (литературному и историческому) многое дает не только в толковании отдельных понятий. Хотя вопрос о субстанции остается основным, открываются новые аспекты понимания генезиса греческой философии. Необходимо учитывать, что Аристотель при построении системы онтологии опирался на логику и выходил за пределы прежнего мышления «физиологов», которые использовали метафоры и произвольные выражения, что он считал абсолютно неуместным. Но как же тогда трактовать их учение о субстанции, что могли себе позволить «первые философы» и какой могла быть их «архаическая логика»? Обратимся к положению Аристотеля об «удивлении» как источнике философии¹⁰. Первое, удивление позволяет реализовать потребность в знании, присущем всем людям «от природы». Оно возникает в процессе опыта и требует внимания ко всему имеющемуся в данный момент. Сосредоточенное внимание, которое можно отождествить с созерцанием, позволяет проникнуть в сущ-

¹⁰ Специальное исследование, не утратившее своего значения, принадлежит Г. Бёдеру (H. Boeder), см.: [28].

ность вещей. Однако удивление — не источник, а условие появления философии. Удивление побудило человека к выработке знания. Удивление — это процесс, некий спусковой механизм, запускающий работу человеческого познания. Человек не остается в состоянии простого созерцания, включаются память и воображение, искусство владения словом. Удивление, ограниченное фактическим материалом, на нем не заканчивается — опираясь на память и воображение, человек приходит к причинному объяснению. Открывается способность к постановке вопросов не только «как есть», но и «почему есть» [28, S. 1–17].

На первоначальном уровне удивления «вода» Фалеса и объяснения произошедшего затмения — явления одного порядка. Но нельзя ли рассматривать «воду» Фалеса в контексте ассоциативного субстрата, аналогии, позволяющей создать картину мира? В контексте разрушающейся персонификации как нормы мировосприятия происходит обращение к ассоциативному субстрату, что означает начало причинного мышления. Научность и рациональность философии становятся достижимыми благодаря тому, что многообразие и изменчивость вещей сводятся к некоему единому основанию и началу, т. е. открывается методологический принцип научного познания — переход от единичного к общему. Ассоциативная модель, метафоры (содержащие целый мир взаимоотношений природы, богов и человека), замеченные Аристотелем у первых философов, позволили ему увидеть в них возможность причинного объяснения. Переход от мифомышления к рациональному познанию Г. Кёрк (G. Kirk) анализирует, обращаясь к Гесиоду. «После примитивной стадии чистого мифотворчества наступает переходный период, в течение которого прежние образы и символы сохраняются, однако при этом зарождается сознание того, что они выходят за рамки своих собственных значений. У Гесиода они находят на пути превращения в метафоры и аллегории...» [30, p. 238].

Необходимо отметить, что Хаос Гесиода (предвосхищение идеи субстанции) чужд греческой мифологии. О. Гигон расценивает его как философское изобретение самого Гесиода. Но с признанием этого факта (если его рассматривать как факт), как замечает Л. Я. Жмудь, «генетическая связь традиционных мифов с философией становится еще более призрачной» [14, с. 35]. Действительно, греческий миф не содержит развернутых космогоний, а Хаос Гесиода был также чужд Олимпу, как и возникающей философии. Греческий миф, согласимся с цитируемым автором, опирающимся на исследования А. И. Зайцева, — «это одна из разновидностей религиозно окрашенного фольклора». Отношение досократиков к отечественной религии и мифологии, так же как и к восточным и научным знаниям, пришедшим с Востока, демонстриру-

ет множественность подходов. «В линейную схему движения “от мифа к логосу” это разнообразие не укладывается» [14, с. 35]. Другое дело, те глубинные (хтонические) основы, которые можно увидеть под покровом олимпийской мифологии, сохранялись в дионисийской и орфической религии и угадываются в гилозоистических характеристиках первосубстанции. Однако хтоническая религиозность, а также единство земли и почвы уже не сохраняли всей полноты прежней мистической сопричастности и дополнились рационально обеспечиваемым гражданским единством.

Во всяком случае, возникновение философии было разрушением прежней семиотической целостности, в которой боги Олимпа составляли ключ к системе хранения, трансляции и обновления знания. Используемые мифологические образы теряли свою конкретную привязанность (единство слова и вещи), выходили за пределы прежнего опыта, а содержание образа становилось основой предпонятий (смыслообразов). Переход к удивлению оказывался приближением к вопросам о причинности всего мира и места человека в нем, к так называемым «вечным вопросам» философии. Содержащиеся в раннегреческой философии аналогии и метафоры заключали в себе ответы, но не обоснования. Погружаясь в центр античных дискуссий об истинности имен «по природе» и «по установлению», мы погружаемся в пространство преодоления родового мышления, отождествлявшего имя и предмет. Влияние лингвистической модели всё нарастает и завершается у Аристотеля обращением к языку, наложением на мир категориальной сетки, а поиск «сущности» во многом определяется обнаружением структуры языка. «Язык используется на правах модели» [30, с. 279]. Образ и метафора в раннегреческом мышлении позволяли перейти к созданию пространства логоса. Философия ищет правильное знание, истину. Носители олимпийского величия на земле — гомеровские герои — открывали новое социальное и ментальное пространство, в котором философия становилась способом его воспроизводства и обновления.

* * *

Цивилизационное величие Древней Греции невозможно опровергнуть ни ссылками на ДНК-генеалогию, ни следами восточных влияний на греческую культуру, которые рассматриваются в большинстве случаев как воздействие на пассивную среду и заполнение лакун в древнегреческой культуре. Греки сумели создать удивительно целостную динамичную культуру. Развитие личностного начала и греческой рациональности, слившихся в единый поток, создало предпосылки и основания цивилизационного развития. Философия в своем движении от

мифа к логосу не исходит, а отталкивается от него, развиваясь в новой среде — эмансипированного слова (Вернан). Собственно говоря, греческая рациональность («нус» как способность творчества, находчивости, мужества) — ответ греков огромному миру, в котором опасность подстерегала на каждом шагу. Греки не были изолированы от восточного мира, но это и подтолкнуло их не к приспособливанию, а к невиданной инноватике, тому, что А. И. Зайцев называл «культурным переворотом». Практика эмансипированного устного слова, вместе с писаными законами создавшая полисную культуру с ее агональной борьбой, подталкивала к изменению внутреннего мира человека и социальных реалий, что и открывало путь к Европе. Философия конституировала открытие разума, рефлексии, основанной на них публичной жизни. Правовые отношения, логика — это всего лишь тот инструмент, который понадобился гомеровскому греку, чтобы он мог обновить и устроить свой мир. Там, где формируется установка на просвещение, образование, где сохраняется установка на свободу личности и права человека, — там появляются философия и наука.

Литература

1. Nestle, W. (1940), *Vom Mythos zum Logos, Die Selbstentfaltung des griechischen Denkens von Homer bis auf die Sophistik und Socrates*, Stuttgart: A. Kröner.
2. Snell, B. (1955), *Die Entdeckung des Geistes. Studien zur Entstehung des europäischen Denkens bei den Griechen*, Hamburg: Claassen.
3. Gigon, O. (1968), *Der Ursprung der griechischen Philosophie*, Basel — Stuttgart: B. Schwabe.
4. Zeller, E. (1869), *Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung, I Theil, Allgemeine Einleitung, Vorsokratische Philosophie*, Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland).
5. Cornford, F. (1957), *From religion to philosophy*, New York: Harper and Row.
6. Burnet, J. (1920), *Early Greek Philosophy*, London: A. and C. Black.
7. Чанышев, А. Н. (1982), *Начало философии*, М.: Изд-во МГУ.
8. Holscher, U. (1953), *Anaximander und die Anfänge der Philosophie, Hermes*, Bd. 81, H. 34, pp. 257–277; 385–417.
9. Burkert, W. (1962), *Weisheit und Wissenschaft, Studien zu Pythagoras, Philolaos und Platon*, Nürnberg: H. Carl.
10. Вольф, М. Н. (2007), *Ранняя греческая философия и Древний Иран*, СПб.: Алтейя, 2007.
11. Buxton, R. (ed.) (1999), *From Myth to Reason. Studies in the Development of Greek Thought*, Oxford: Oxford University Press, 1999, pp. 223–250.
12. Bernal, M. (1987), *Black Athena. The Afroasiatic Roots of Classical Civilization*, vol. 1, *The Fabrication of Ancient Greece 1785–1985*, New Brunswick. New Jersey: Rutgers University Press.
13. Гатри, У. К. Ч. (2015), *История греческой философии*, т. 1, Ранние досократики и пифагорейцы. СПб.: Владимир Даль.
14. Жмудь, Л. Я. (2015), Уильям Гатри и его «История греческой философии», в: Гатри, У. К. Ч. *История греческой философии*, т. 1. Ранние досократики и пифагорейцы, СПб.: Владимир Даль, 2015, с. 5–62.

15. Vernant, J.-P. (1974), *Mythe et société en Grèce ancienne*, Paris: Librairie François Maspéro.
16. Андреев, Ю. В. (2002), *От Евразии к Европе*, СПб.: Дмитрий Буланин.
17. Glotz, G. (1923), *La civilisation égéenne*, Paris: La Renaissance du livre.
18. Петров, М. К. (1997), *Античная культура*, М.: РОССПЭН.
19. Драч, Г. В. (2003), *Рождение античной философии и начало антропологической проблематики*, М.: Гардарики.
20. Ницше, Ф. (1994), *Философия в трагическую эпоху*, М.: Пор-Рояль.
21. Cherniss, H. (1970), The Characteristics and Effects of Presocratic Philosophy, in: *Studies in Presocratic Philosophy, vol. I. The Beginning of Philosophy*, London: Routledge and Kegan Paul, pp. 1–28.
22. Guthrie, W. K. C. (1970), Aristotle as Historian, in: *Studies in Presocratic Philosophy, vol. I. The Beginning of Philosophy*, London: Routledge and Kegan Paul, pp. 239–254.
23. Драч, Г. В. (2020), Философия Аристотеля как событие историко-культурного ряда, *Вопросы философии*, № 1, с. 27–37.
24. Зельин, К. К. (1972), О методах и перспективах исследования ранней греческой философии, *Вестник древней истории*, № 1, с. 73–84.
25. Joel, K. (1926), *Der Ursprung der Naturphilosophie aus dem Geiste der Mystik*, Jena: Diederichs.
26. Драч, Г. В., Чермантеева, Т. С. (1990), Теологические концепции происхождения античной философии, *Зарубежное философское антиковедение*. М.: Наука, с. 15–30.
27. Jaeger, W. (1936), *Paideia. Die Formung des Griechischen Menschen, Bd. I*. Berlin — Leipzig: W. de Gruyter and Co.
28. Boeder, H. (1962), *Grund und Gegenwart als Frageziel der früh-griechischen Philosophie*, Den Haag: Martinus Nijhoff.
29. Kirk, G. S. (1970), *Myth: Its Meaning and Functions in Ancient and Other Cultures*, London: Cambridge University Press.
30. Петров, М. К. (2015), *Проблемы детерминизма в древнегреческой философии классического периода*, Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ.

Статья поступила в редакцию 12 ноября 2021 г.;
рекомендована к печати 23 ноября 2021 г.

Контактная информация:

Драч Геннадий Владимирович — д-р филос. наук, проф.; gendrach@mail.ru

On the birth of the classical philosophy and the origins of the European civilization (aspects of the problem)

G. V. Drach

Southern Federal University,
116, Dneprovsky per., Rostov-on-Don, 344065, Russian Federation

For citation: Drach G. V. On the birth of the classical philosophy and the origins of the European civilization (aspects of the problem). *Philosophy of the History of Philosophy*, 2021, vol. 2, pp. 20–34. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2021.102> (In Russian)

The article examines the birth of the Classical philosophy that simultaneously was the beginning of the European civilization. The issue has multiple aspects, especially as a lot of new studies emphasize the Eastern influence on the origins of the Classical philosophy and scholarly discussions ponder upon cultural differences and civilizational self-determination. Particular attention is paid to the characteristic of the Minoan civilization that both inherited the Eastern culture and discovered Europe. As compared to the East, Crete and Mycenae turned out to be instable social phenomena under the Aegean islandic conditions. However, the nautical piracy that could not be localized was a new cultural event demonstrated in individual behaviour and agonistic personality vividly represented in Homer's poems. The author traces how collective spirit and mystical unity were switching to individualized behaviour and agonistic personality which lets him analyse aspects of the genesis of philosophy related to the development of lyrical poetry, legal consciousness and self-consciousness. This lets one overcome limits of the 'physical' interpretation of the Early Greek philosophy according to Aristotle and see a wider literary and historical context of its genesis. Self-immersion and reflections on the attitude to the world and one's own self, to the cosmos, polis and God became foundations for the new philosophy that addressed the eternal issues of being. Human knowledge that starts with surprise, according to Aristotle, revealed new aspects of the genesis of the Greek philosophy. The issue of substance, relations between multiple things and their basis constitute the philosophical knowledge. Substantialism was the leading principle for the new philosophy that turned to explanations of the causes and gave birth to the rational knowledge and European science. The resulting philosophy is at the centre of the European cultural paradigm whose key elements are law, education, and personality.

Keywords: origins of philosophy, civilization, culture, West, East, personality, theogony, cosmogony, mind, substance.

References

1. Nestle, W. (1940), *Vom Mythos zum Logos. Die Selbstentfaltung des griechischen Denkens von Homer bis auf die Sophistik und Sokrates*, Stuttgart: A. Kröner.
2. Snell, B. (1955), *Die Entdeckung des Geistes. Studien zur Entstehung des europäischen Denkens bei den Griechen*, Hamburg: Claassen.
3. Gigon, O. (1968), *Der Ursprung der griechischen Philosophie*, Basel — Stuttgart: B. Schwabe.
4. Zeller, E. (1869), *Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung*, 1 Theil, Allgemeine Einleitung, *Vorsokratische Philosophie*, Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland).
5. Cornford, F. (1957), *From religion to philosophy*, New York: Harper and Row.
6. Burnet, J. (1920), *Early Greek Philosophy*, London: A. and C. Black.
7. Chanyshev, A. (1982), *The Beginning of Philosophy*, Moscow: Moscow State University Press. (In Russian)
8. Holscher, U. (1953), Anaximander und die Anfänge der Philosophie. *Hermes*, Bd. 81, H. 34, pp. 257–277, 385–417.
9. Burkert, W. (1962), *Weisheit und Wissenschaft. Studien zu Pythagoras, Philolaos und Platon*, Nürnberg: H. Carl.
10. Wolf, M. N. (2007), *Early Greek Philosophy and Ancient Iran*, St Petersburg: Aletheia Publ. (In Russian)
11. Buxton, R., (ed.) (1999), *From Myth to Reason, Studies in the Development of Greek Thought*, Oxford: Oxford University Press, pp. 223–250.

12. Bernal, M. (1987), *Black Athena, The Afroasiatic Roots of Classical Civilization*, vol. 1, The Fabrication of Ancient Greece 1785–1985, New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press.
13. Guthrie, W.K.C. (2015), *A History of Greek Philosophy*, vol.1. The earlier Presocratics and the Pythagoreans, St Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2015. (In Russian)
14. Zhmud, L. Ya. (2015), William Guthrie and his 'A History of Greek Philosophy', in Guthrie, W.K.C. *A History of Greek Philosophy*, vol. 1. The earlier Presocratics and the Pythagoreans, St Petersburg: Vladimir Dal' Publ. (In Russian)
15. Vernant, J.-P. (1974), *Mythe et société en Grèce ancienne*, Paris: Librairie Francois Maspero.
16. Andreev, Yu. V. (2002), *From Eurasia to Europe*, St Petersburg: Dmitry Bulanin Publ. (In Russian)
17. Glotz, G. (1923), *La civilisation égéenne*, Paris: La Renaissance du livre.
18. Petrov, M. K. (1997), *Ancient Culture*, Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian)
19. Drach, G. V. (2003), *The Birth of the Classical Philosophy and the Beginning of the Anthropological Studies*, Moscow: Gardariki Publ. (In Russian)
20. Nietzsche, F. (1994), *Philosophy in the Tragic Age of the Greeks*, Moscow: Port-Royal. (In Russian)
21. Cherniss, H. (1970), The Characteristics and Effects of Presocratic Philosophy, in: *Studies in Presocratic Philosophy*, vol.1. *The Beginning of Philosophy*, London: Routledge and Kegan Paul, pp. 1–28.
22. Guthrie, W.K.C. (1970), Aristotle as Historian, in: *Studies in Presocratic Philosophy*, vol.1. *The Beginning of Philosophy*, London: Routledge and Kegan Paul, pp. 239–254.
23. Drach, G. V. (2020), Aristotle's philosophy as a historical and cultural event, *Voprosy Filosofii*, no. 1, pp. 27–37. (In Russian)
24. Zelyin, K. K. (1972), Methods and Perspectives of Research in Early Greek Philosophy, *Journal of Ancient History*, no. 1, pp. 73–84. (In Russian)
25. Joel, K. (1926), *Der Ursprung der Naturphilosophie aus dem Geiste der Mystik*, Jena: Diederichs.
26. Drach, G. V., Chermanteeva, T. S. (1990), Theological concepts of origins of the Classical Philosophy, *Foreign Philosophical Classical Studies*, Moscow: Nauka Publ., pp. 15–30. (In Russian).
27. Jaeger, W. (1936), *Paideia. Die Formung des Griechischen Menschen*, Bd.1. Berlin — Leipzig: W. de Gruyter and Co.
28. Boeder, H. (1962), *Grund und Gegenwart als Frageziel der früh-griechischen Philosophie*, Den Haag: Martinus Nijhoff.
29. Kirk, G. S. (1970), *Myth: Its Meaning and Functions in Ancient and Other Cultures*, London, Cambridge University Press, 1970.
30. Petrov, M. K. (2015), *Problems of Determinism in the Early Greek Philosophy of the Classical Period*, Rostov-on-Don: SFEDU Publ. (In Russian)

Received: November 12, 2021

Accepted: November 23, 2021

Author's information:

Gennady V. Drach — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; gendrach@mail.ru